

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО СРЕДНЕЙ ВОЛГИ И ЗАВОЛЖЬЯ В ГОДЫ ДУМСКОЙ МОНАРХИИ**

В статье анализируются взаимоотношения власти и общества, в первую очередь администраций губерний и органов местного самоуправления Средней Волги и Заволжья, в годы Думской монархии, их сотрудничество в хозяйственных и конфликты в социально-политических вопросах.

Ключевые слова: власть, общество, губернская администрация, местное самоуправление, земство, городская дума, война, продовольственный вопрос.

В 1907 – начале 1917 гг. Россия оставалась патерналистской монархией традиционного типа; отношения власти – общества выстраивались, как и ранее, по типу большой семьи. Власть позиционировала себя и воспринималась как сакральная и стремилась к попечению всего населения. Это обстоятельство определяло как устойчивость политической структуры, так и эвентуальность политических потрясений. Власть в регионе Средней Волги и Заволжья представляла губернская администрация, общество наиболее репрезентативно – местное самоуправление. Взаимоотношения между ними являлись важнейшими моментами политической, социальной и экономической жизни.

В первые годы Думской монархии органы местного самоуправления стремились к сотрудничеству с администрацией. Симбирское, Самарское, Пензенское и другие земства Среднего Поволжья и Заволжья основные усилия сконцентрировали на реализации выдвинутых П.А. Столыпиным реформ, прежде всего аграрной: активно участвовали в деятельности землеустроительных комиссий, развитии сети агрономической и агротехнической службы. В Новоузенском уезде Самарской губернии в 1906 г. стали работать участковые агрономы. Земство Казанской губернии в 1909 г. организовало первую в стране школу по обучению крестьян-землевладельцев прогрессивным методам ведения хозяйства. Земства провели комплексные исследования по оценке земель, подворные переписи крестьянских и хуторских хозяйств. Земства Пензенской губернии в 1907-1914 гг. создали десятки опытных полей, призванных содействовать распространению прогрессивных методов ведения сельскохозяйственного производства; содействовали сбыту изделий кустарных промыслов и снабжению производителей заказами. Земские склады продавали и сдавали в аренду крестьянам новые машины и усовершенствованные сельскохозяйственные орудия. Почти 80 кредитных товариществ содействовали приобретению техники крестьянами.

* © Леонов М.И., 2013

Леонов Михаил Иванович (mleonov40@gmail.com), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «“Обретение родины”: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

Особое внимание обращалось на образование. В Самаре, во многом благодаря усилиям инспектора народных училищ и члена школьной комиссии И.С. Ключева, уже в 1906 г. никому не отказывали в приеме в приходские начальные училища. Дума с явным удовлетворением констатировала: «Такого достигли еще очень немногие из самых больших городов нашего отечества» [1, л. 26]. Городская казна в 1907 г. выделила на образование около 200 тыс. руб. В 1916 г. из четырех тысяч детей школьного возраста одной возрастной группы в первых классах начальных училищ обучалось около 2700 чел. «Еще одно или два небольших напряжения... – говорилось в докладе городской управы, – и общедоступность повышенного образования в пределах прогимназии сделается таким же реальным фактом, каким стала общедоступность образования начального» [2, л. 86; 3, л. 99, 761]. Начальному образованию способствовало открытие 18 октября 1910 г. трехлетнего учительского института. В том же году Самарская городская дума поддержала ходатайство земства об учреждении в городе политехнического института и выделила для него бесплатно большой участок городской земли на Соборной площади. Политехнический институт в составе сельскохозяйственного и коммерческого отделения был открыт 24 января 1914 г. Некоторый вклад в дело образования вносили и самарские предприниматели. Самарский биржевой комитет с 1893 по 1915 гг. отчислил на нужды местного коммерческого образования более 36 тыс. руб., еще 150 тыс. руб. – на строительство здания коммерческого училища. Также он ассигновал деньги на содержание детских садов и яслей, городской библиотеки, общественной читальни.

Земства всех губерний Среднего Поволжья и Заволжья основывали учительские школы, устраивали курсы и съезды учителей, создавали пенсионные и эмеритальные кассы. В Пензенской губернии к 1914 г. было учреждено 610 земских школ, 32 земские больницы на 852 койки, 65 фельдшерских и 5 акушерских пунктов, 40 районных и 30 подсобных библиотек. Симбирское губернское земство потратило на народное образование в 1908 г. 189,3 тыс. руб., в 1912 г. – 324,8 тыс. руб.; в 1915 г. – 1264,5 тыс. руб. К 1909 г. были открыты училища в уездных городах губернии (в них обучалось 1075 человек), а также и в крупных селах. В меру сил в деле просвещения участвовали и уездные земства. В 1910 г. Сызранское уездное земство ассигновало на образование 1850 руб., Алатырское – 2 тыс. руб., Буинское – 1200 руб., Сенгилеевское – 4175 руб. Пензенское, Самарское, Саратовское, Симбирское земства совершенствовали оказание медицинской помощи населению, строили уездные и межуездные больницы, санитарные и амбулаторные пункты. Земские ветеринары губерний вели санитарно-ветеринарные исследования, противодействовали распространению эпизоотий.

Усилиями администрации и местного самоуправления благоустраивались города Среднего Поволжья и Заволжья. Улицы Саратова уже много лет мостили кварцевым и булыжным камнем, а с 1903 г. – асфальтом. К 1915 г. замостили почти 72 % площади улиц. Увы, состояние дорог оставляло желать лучшего. В центральной части Саратова, на углу улиц Константиновской и Астраханской, находилось огромное болото глубиной до двух аршин. Осенью 1912 г. в болото забрел слепой старик и стал тонуть. От смерти его спасли дворники соседних дворов. Губернатор А.А. Ширинский-Шахматов в декабре 1905 г. делал визиты. Одного из членов городской управы, который проживал на улице Кирпичной, он навестить не решился, опасался, как бы его карета не застряла в грязи [4]. Решением Саратовской думы в 1915 г. приступили к перемощению всех улиц. С чистотой улиц обстояло далеко не так блестяще. Долгие годы губернатор безуспешно пытался привлечь городское самоуправление к поливу улиц. Наконец, думцы отреагировали: выделили средства на полив улиц при «помощи 30 обыкновенных бочек-двухколесок», притом только в центре города [5, с. 77–83].

С помощью облигационного займа на сумму 562 тыс. рублей в 1914 г. в Саратове пустили вторую очередь водопровода, а в 1915 г. на водопроводной станции установили новую более мощную машину. С 1910 г. городское самоуправление при поддержке администрации приступило к созданию канализации. Первая очередь ее, обслуживающая центральные кварталы, была закончена в 1912 г., в последующие годы, в том числе и в военные, канализация охватила и другие районы города. Электрический трамвай впервые прошел по улицам Саратова в 1908 г., а в 1910 г. открыли загородную трамвайную линию. Электрификация улиц Саратова, как и других городов Среднего Поволжья и Заволжья, сопровождалась треволнениями и затяжными спорами с бельгийской «Взаимной компанией трамваев». Электрические фонари осветили центр Саратова 1 января 1911 г. В связи с резким подорожанием керосина Саратовская дума в 1915 г. отказалась от своей электростанции при городском театре, что повлекло за собой перерывы в подаче электроэнергии. После того, как в центре города установили электрические фонари, 1400 керосиновых фонарей переместили на окраины; с 1914 г. на смену керосиновым фонарям пришли более мощные керасинокалильные [5, с. 81–88].

Лейтмотив взаимодействия губернской администрации и местного самоуправления во всех многочисленных хозяйственных (технических) делах – деловое сотрудничество; спорадические конфликты возникали по второстепенным проблемам. Так, в первых числах июля 1907 г. губернатор В.В. Якунин известил Самарскую городскую управу о первых случаях заболевания холерой в губернии и предложил на экстренном совещании принять решение по таким неотложным делам, как открытие барачков для больных, увеличение численности медицинского персонала, образование участковых санитарных попечительств. Дума 19 июля 1907 г. постановила открыть больницу на 50 кроватей, установить ночные дежурства врачей при городской управе. На противоэпидемические мероприятия она выделила 26 тыс. руб. [2, л. 258–262] По мнению Губернской санитарно-исполнительной комиссии, Дума действовала нерасторопно, а главное, выделила недостаточную сумму, и, по сути, уклонилась от забот о жизни и здоровье жителей Самары. Дума же уверяла, что городские расходы на противохолерные мероприятия чрезмерны и нецелесообразны. После того как она и в конце 1907 г. отказалась раскошелиться, В.В. Якунин приказал полицмейстеру удерживать поступающие в городскую казну деньги и направлять необходимые средства на борьбу с холерой, чем кровно обидел думцев. Они жаловались правительству: «Городское самоуправление из хозяина превратилось в приказчика». Правительство встало на сторону губернатора, и Думе пришлось потратить на противохолерную кампанию 50 тыс. руб. В качестве моральной компенсации она пеняла местным властям: «Городское самоуправление может рассчитывать на совместную работу лишь при полном и беспрекословном подчинении губернской администрации» [6, с. 7–14].

Смута, Русско-японская война 1904–1905 гг., неурожайные годы привели к повышению цен на хлеб, мясо и другие насыщенные продовольственные товары. Губернатор В.В. Якунин уведомил 19 ноября 1907 г. Самарскую думу, что цены «достигли таких размеров, что сделались непосильными и почти недоступными для огромного большинства трудящегося городского населения». Точно такой же была ситуация в других городах региона. Особую пикантность ситуации придавало занятие многих гласных всех городов региона торговлей. Естественно, они активно участвовали в повышении цен. Об этом постоянно говорили на заседаниях органов местного самоуправления Саратова, Симбирска и других городов. Думы, в частности Саратовская, выбирали торговых депутатов, обязанных следить за соблюдением правил торговли, те составляли протоколы на нарушителей, мировые судьи выносили решения о наказаниях – ситуация принципиально не менялась. По настоянию администрации, Самарская дума

в конце 1907 г. принялась за обсуждение вопроса о возможности нормирования цен на продукты первой необходимости. Владельцы продовольственных предприятий и магазинов этому решительно воспротивились. Нанятые ими «сведущие люди» с апломбом говорили о нежелательности таксы на хлеб и мясо. Управа прислушалась к ним и язвительно посоветовала губернатору обратиться в Министерство внутренних дел. Вплоть до 1913 г. к проблеме нормировки цен Самарская дума обращалась многократно, но воз с места не сдвигался [2, л. 564–566].

Известие о вступлении России в Первую мировую войну вызвало патриотический подъем населения губерний Среднего Поволжья и Заволжья. Большинство жителей было уверено, что победоносная война продлится самое большее три-четыре месяца. Повсюду проходили молебны, шествия и манифестации. В Саратове вечером 17 июля 1914 г., после того как была получена весть о начале австро-сербской войны, на Московской улице собралась масса народа со знаменами, флагами, портретами русского императора. В сопровождении хора, музыкантов манифестанты отправились на Соборную площадь. У памятника Александру II произнесли речи, а затем шествие, растянувшееся почти на целый квартал, по Немецкой улице направилось к казармам. Участники манифестации 20 июля 1914 г. прошли от Московской улицы до Соборной площади, затем по Немецкой улице до Ильинской площади и, отслужив молебен в Ильинской церкви, попытались пройти к зданию оцепленного полицией германского консульства с явным намерением разгромить его. Далее манифестанты направились по улице Вольской к резиденции губернатора и к казармам. В этот и последующие дни состоялись патриотические манифестации и собрания в других городах, а также селах Саратовской губернии. Патриотические манифестации прошли в Пензе, Инсарах, Лунине, других городах и крупных селах Пензенской губернии. 25 июля 1914 г. Саратовское губернское чрезвычайное земское собрание приняло всеподданнейший адрес. Также и городская дума Саратова обратилась к императору со всеподданнейшим адресом, в котором демонстрировала готовность всеми средствами поддерживать войну и государя и подчеркивала, что «сильная своим единением с царем Русь вынесет все испытания войной». Саратовские предприниматели и торгово-промышленные служащие 26 июля 1914 г. пожертвовали на военные нужды 600 тыс. рублей. Торжественно отправили на фронт Егерский и Александровский полки из Самары, 177-й Изборский и 178-й Венденский пехотные полки из Пензы, 180-й Виндавский из Саранска. Администрация и земства Саратовской губернии с августа 1914 г. приступили к созданию уездных земских комитетов, районных и волостных попечительств помощи раненым воинам, а также семьям призванных на войну; к концу года во всех уездах функционировало более 300 районных попечительств. Новоузенский уездный земский комитет Самарской губернии с августа 1914 по июль 1915 гг. основал 127 попечительств и 13 районных комитетов [7, с. 12–24].

Губернии Среднего Поволжья и Заволжья была объявлена на положении усиленной охраны, а потом на военном положении. Обязательные постановления губернаторов следовало неукоснительно соблюдать; меры наказания были более суровыми, чем в мирное время. Дела о разбое, умышленных поджогах, уничтожении продовольствия и фуража, сопротивлении властям, организации стачек, изготовлении и приобретении без разрешения взрывчатых веществ и снарядов, неисполнении требований властей, оскорблении полицейских, беспатентной торговле крепкими напитками передавались в ведение военного суда либо администрации. Нарушение обязательных постановлений каралось штрафом до 3 тыс. руб. или тюремным заключением до трех месяцев. Приказом командующего Казанским военным округом вводилась военная цензура. Военными цензорами назначались полицейские чины, почтовые работники, учителя. Они были обязаны контролировать периодические и непериодические изда-

ния, вскрывать письма и другую корреспонденцию, удалять из них нежелательные сведения или задерживать их. С 1915 г. власти запретили «демонстративные шествия»; патриотические манифестации допускались только с разрешения властей. На период мобилизации закрывались винные магазины, и запрещалась торговля спиртным. В остальное время разрешалась торговля только определенными сортами вина; трактиры I–III классов и рестораны не имели права торговать спиртными напитками с 21 до 24 часов. С началом войны было запрещено распитие крепких напитков на улицах, в скверах и т. д., так же как и появление в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения. Обывателей, нарушавших это постановление, привлекали к административной ответственности, торговые заведения, его не выполнявшие, закрывали. Все германские и австрийские подданные мужского пола в возрасте от 18 до 45 лет считались военнопленными и подлежали аресту и высылке, остальных признавали неблагонадежными и отдавали под гласный надзор полиции. Эти действия властей сопровождались всплеском шпиономании. Значительную часть трудоспособного мужского населения, особенно в сельской местности, мобилизовали в армию. Дворянская молодежь шла на фронт добровольно, детей купцов Головкина, Шихобалова, Колесникова, Сапрыкина, Егорова и других на театре военных действий не было.

В годы войны в губернии Среднего Поволжья и Заволжья империи передислоцировали некоторые промышленные предприятия вместе с частью служащих и рабочих; сюда направлялись беженцы из западных районов Империи, и сюда же отправляли военнопленных. Военные предприятия региона, в том числе такие крупные, как Самарский трубочный, Сергиевский, заводы, в разы увеличили производство, соответственно, в разы увеличилась численность служащих и рабочих. В регионе, главным образом в городах, дислоцировались многотысячные гарнизоны. Все это, несмотря на мобилизацию, вело к росту населения, особенно в городах. Численность населения Самарской губернии к 1917 г. увеличилось на 200 с лишним тысяч человек (городского — на 283, 1 тыс.). Число жителей Самары со 175 645 чел. в 1914 г. возросло к 1917 г. до 207,3 тыс. чел. (по другим данным, до 203 306 чел.), а вместе с мобилизованными и гарнизоном — до 280 тыс. чел. [8, с. 98; 9, с. 123–134; 3, л. 573] В Саратове к началу 1917 г. проживало 240–250 тыс. человек, а местный гарнизон насчитывал 60–70 тыс. человек, в г. Кузнецке численность гарнизона превышала численность мирного населения [10, с. 23; 11, с. 17].

С началом войны резко сократилось многоэтажное строительство, зато быстро застраивались одноэтажными деревянными домами поселки. В Самаре — это поселки Рабочий, Железнодорожный, Новый Оренбург, Кавказ, а также район Постникова оврага. Росли цены на жилье. Перед войной в Самаре однокомнатную квартиру с кухней сдавали за 9 руб. в месяц, а в сентябре 1915 г. — уже за 16 руб. Рост цен на жилье вызывал протест жителей, особенно простонародья. Постановлением самарского губернатора домовладельцам с конца 1915 г. запретили повышать квартирную плату. В Саратове выросли цены на дрова, их не хватало. За дровами из городских запасов выстраивались очереди. Для отопления более интенсивно, чем ранее, стали употреблять остающийся от изготовления масла жмых (по-местному «колоб»), которого в городе скопилось более 2 млн пудов. Но вскоре и «колоб» повысился в цене. Увеличилась стоимость освещения, отопления, воды, поднялась квартирная плата. Квартирная комиссия Саратовской думы предложила, во-первых, установить таксу на квартплату, а во-вторых, запретить до окончания войны выселение квартирантов. Но городская дума не решилась утвердить такое постановление.

Особой заботой губернской администрации и органов местного самоуправления в годы войны было обеспечение населения продовольствием (это в первую очередь), а также предметами повседневного обихода. Имперские власти с первых дней войны

вменили это местной администрации в качестве важнейшей обязанности. Министр внутренних дел Н.А. Маклаков уже в июльском циркуляре 1914 г. потребовал от губернаторов «издания обязательных постановлений, регулирующих цены на предметы первой необходимости, и использовать всю полноту принадлежащей власти для борьбы со спекуляцией на почве общественных действий». Такого рода циркуляры посылались неоднократно все годы войны. Центральные власти обязали губернаторов и всю губернскую администрацию принимать при необходимости экстраординарные меры для обеспечения населения продовольствием и другими жизненно важными товарами, регулировать цены, предотвращать дороговизну, пресекать спекуляцию, привлекать к организации снабжения армии органы местного самоуправления и общественность, тесно сотрудничать с ними. Все военное время губернаторы Среднего Поволжья и Заволжья организовывали подвоз продовольствия в города и рабочие поселки, боролись с дороговизной, спекулянтами. Пензенский губернатор А.А. Евреинов пытался устроить торговцев высокими штрафами. Администрация, естественно, могла только несколько смягчить негативные последствия естественного хода событий. Об этом симбирский губернатор А.С. Ключарев писал министру внутренних дел: «Мы вынуждены ограничиваться совершенно бесплодной борьбой с дороговизной, штрафую мелких, сравнительно, местных торговцев, рискуя этим оставить потребителя совсем без продуктов» [12, с. 67–68].

Земства включились в дело продовольственного обеспечения с августа 1915 г., когда председателей земских управ назначили представителями уполномоченного Особого совещания в уездах. Все годы войны губернаторы Среднего Поволжья и Заволжья и уполномоченные Хлебармии и Особого совещания действовали согласованно. Особых конфликтов не возникало. Администрация губерний строго контролировала деятельность органов местного самоуправления, привлекая аппарат сельской и городской полиции, и следила, чтобы население исполняло все предписания. Временно исполняющий должность самарского губернатора Н.П. Харламов в начале ноября 1915 г. в отчете в МВД отметил, что Самарская городская управа в течение года ограничивалась бесконечными дебатами о снабжении горожан в различных исполнительных комиссиях, и лишь настоятельные просьбы вице-губернатора С.В. Горчакова подвигли ее на выработку предельных цен на муку во время их постоянного повышения. 19 ноября 1915 г. Н.П. Харламов распорядился, чтобы полиция не просто наблюдала за торговлей, но и активно воздействовала на торговцев, которые «вызывали наибольшие и, по-видимому, справедливые нарекания со стороны местных обывателей» [13, л. 51, 58].

Губернатор А.А. Станкевич в июле 1916 г. отчитал самарского городского голову С.Е. Пермякова за «плохую постановку отпуска сахара населению из лавок, лишь поселяющую в населении раздражение». В марте 1916 г. он просил министерства земледелия, путей сообщения и внутренних дел, а также центральный комитет по распределению сахара в Киеве доставить сахар в Самару. В октябре 1916 г. губернатор Л.Л. Голицын настоятельно предлагал самарскому голове наладить продажу сахара. А через две недели прямо обвинял Самарскую городскую управу в плохой работе [14, л. 11, 15, л. 239; 16, л. 1; 17, л. 14]. Губернаторы в конце апреля 1916 г. констатировали, что городские власти не проявляли настойчивости в борьбе со спекуляцией, ибо «состав управы, думы и уполномоченных по продовольствию и топливу сплошь сами торговцы, а зачастую — наиболее злостные спекулянты» [18, с. 163].

С 1915 г. гласные городских дум стали требовать нормирования цен и создания муниципальных лавок. В Самаре была установлена следующая такса: фунт мяса высшего сорта — 23 коп., первого сорта — 22 коп., второго — 20 коп., третьего — 18 коп. Фунт мяса молодого и тощего скота должен был продаваться на две копейки дешевле.

В сентябре 1915 г., несмотря на сопротивление торговцев, дума установила такие цены на хлеб: фунт ржаного хлеба — до 4 коп., фунт хлеба из крупчатки 3-го сорта — до 5,5 коп., 2-го сорта — до 7,5 коп., 1-го сорта — до 9 коп. — и обязала пекарей не уменьшать выпечку хлеба. Губернская администрация утвердила постановления думы. 21 ноября 1915 г. временно управляющий Самарской губернией Н.П. Харламов предупредил торговцев Самары, что те из них, кто будет продавать мясо выше установленной таксы, подвергнутся штрафу в размере до 3 тыс. рублей или аресту до трех месяцев, а их заведения будут закрыты. Цены тем не менее росли. По сообщению заместителя начальника третьего участка Николаевского уезда от 7 февраля 1916 г., цены на мясо за последние два года выросли почти в два раза. Так, николаевский торговец Калинин придерживал около двух тысяч пудов мяса, ожидая повышения цены [19, л. 8–9, 26]. Городская дума Саратова установила предельные цены на ржаной, пеклеванных, а также на несколько сортов белого хлеба, на говядину, баранину и солонину. Максимальная цена за фунт белого хлеба первого сорта составляла в январе–марте 1915 г. пять с половиной копеек, в апреле–августе 1915 г. — шесть копеек, во второй половине 1915 г. — семь копеек, с конца января 1916 г. — восемь копеек; цена ржаного хлеба в эти же временные отрезки равнялась трем, трем с половиной и четырем копейкам. Предельные цены на телятину, молодую баранину «как на предмет роскоши» не устанавливались.

Постановлением дум и властей с 1915 г. регулировалась продажа сахара. В Самаре в июне 1916 г. было решено ввести карточную систему распределения муки, хотя мука поступала на рынок нормально, а расходы обывателя на хлеб не превышали 20 % всех его трат [3, л. 647, 710–711]. В булочных продавались свободно калачи из муки двух сортов, французские булочки и плюшки. В январе–феврале 1917 г. проблема продовольственного снабжения Самарской городской думой не рассматривалась [19, л. 438, 600]. В 1916 г. были изысканы возможности снабжения населения обувью и одеждой из США и других стран [3, л. 572–578].

В годы Первой мировой войны население Среднего Поволжья и Заволжья, естественно, испытывало значительные трудности. В лавках и магазинах сильно подорожали, а порой и исчезали из продажи, сахар, некоторые сорта мяса, рыбы, а также чай. Готовая обувь, одежда, ткани, мыло, нитки, керосин, спички попали в разряд дефицитных товаров. Население не отвернулось от привычных способов коммерции и ведения хозяйства, изыскивало возможности преодолевать дефицит продовольственных и непродовольственных товаров и дороговизну. В деревне ситуация складывалась иначе, чем в городе. Крестьяне не испытывали особого недостатка в сельскохозяйственных продуктах. Деньги, которые раньше тратились на алкоголь, теперь шли на хозяйственные нужды. А деньги эти были не такие уж малые: до войны крестьяне Симбирской губернии пропивали в год около 9 млн руб. За ушедших на фронт семьи крестьян получали казенные пайки, порой превышавшие довоенный доход, и благодаря этому они даже смогли поправить свое хозяйство [20, с. 131–133; 21, с. 451–453]. Кроме того, крестьяне придерживали хлеб «на черный день» и за годы войны накопили значительные излишки [22, с. 410].

В Симбирской и Пензенской губерниях особых проблем с обеспечением населения хлебом и мукой, основой продовольствия простонародья, не было. Созванное Симбирским губернатором Н.Ф. Ключаровым 6 сентября 1915 г. совещание, на которое были вызваны уполномоченный по продовольствию, губернский и уездный предводители дворянства, начальнику ГЖУ и другой начальствующий люд, а также представители биржевого комитета, пришло к заключению, что запасы зерна достаточны и что умышленного отклонения от поставок хлеба армии и населению не будет, а имевшиеся задержки поставок были вызваны сильными и продолжительными дождя-

ми. Собрание постановило при необходимости применять принудительные меры к тем, кто взвинчивает цены на сельскохозяйственную продукцию. Администрация и органы местного самоуправления прилагали значительные усилия для обеспечения населения, в первую очередь необеспеченных слоев, продовольствием по доступным ценам. Для «недостаточного класса населения» Сызранская дума в конце 1915 г. постановила открыть две городские мучные лавки, в которых мука второго сорта продавалась по низкой цене от 2 рублей 30 копеек до 2 рублей 65 копеек за пуд. Кроме того, Сызранская дума предполагала открыть «потребительские лавки» по продаже продуктов «первой необходимости». Такая «потребительская лавка» функционировала в городе Сенгилее Симбирской губернии. Важное средство поддержки трудящегося люда – повышение заработной платы. Симбирское губернское присутствие по делам страхования рабочих 29 января 1915 г. постановило почти вдвое повысить «расценки труда рабочего». Саратовская городская дума с 19 августа 1915 г. увеличила жалованье городским служащим с зарплатой до 240 руб. в год на 20 %, с зарплатой 240–480 руб. в год на 10 %, с зарплатой 480–600 руб. в год на 8 %, с зарплатой 600–900 руб. в год на 5 % [23, с. 245–246, 257, 259–260].

Значительных выступлений в связи с нехваткой хлеба в Среднем Поволжье и Заволжье в 1914–1918 гг. не зафиксировано. Случались так называемые «бабьи бунты». Как правило, они протекали по такому сценарию: в очереди, жаждавшей сахара (чаще всего) или мануфактуры, изредка мяса, затевалась ссора. Порой ссорились между собой те, кто стоял в очереди, чаще очередь ругалась с продавцом, от слов переходили к драке, а порой и к разгрому магазина и расхищению продуктов. Гнев всегда был направлен против торговцев, с полицейскими и солдатами дрались только тогда, когда они пытались утихомирить разбушевавшихся. В Самаре на Троицком рынке 5 ноября 1916 г. все началось с оскорбления покупательницы торговцем мясом. Далее события развивались, согласно официальному документу, так: «В толпе начались шум, крики, улюлюканье, появились малолетние хулиганы-мальчишки, начались погромы лавок». В прибывших стражников и полицейских полетели палки, в ответ те открыли огонь. Были убитые и раненые. С рынка волнения распространились на ближайшие улицы и закончились только к вечеру. Согласно проведенному жандармским управлением расследованию, было разгромлено 56 магазинов и лавок. В погромах активное участие принимали самарские воров («коты») и проститутки. В Симбирске 4 июля того же года рядовые местного гарнизона попытались купить в лавке сахар без очереди. Очередь возмутилась, началась потасовка. На место происшествия прибыли полицейские, военные патрули, чины губернской администрации. В них полетели камни и палки. Затем собравшиеся (около 3 тысяч человек) направилась громить лавки и магазины, выскивая и растаскивая прежде всего сахар. Порядок установился только после того, как вызванные наряды произвели несколько залпов [24, л. 7–9; 25, с. 38]. Таких происшествий за 1914–1916 гг. было зафиксировано в Самарской губернии десять (пять в городах и пять в деревнях), в Симбирской – два.

Забастовок рабочих губерний Среднего Поволжья и Заволжья в первый год войны не было, в 1915–1916 гг. они проходили по частным случаям. В условиях тотальной войны жить было трудно. Росли цены на жилье, вызвала раздражение спекуляция. Но рабочие осознавали причину трудностей. В 1914–1916 гг. они особых претензий по поводу обеспечения продуктами питания не предъявляли. Единичные случаи протестного движения были связаны с перебоями в продаже привозных товаров (в первую очередь сахара) и спекуляцией. Рабочие принимали активное участие в профессиональных союзах, потребительских обществах, в выборах в рабочую группу Военно-промышленного комитета.

Администрация и местное самоуправление в годы войны занимались и благоустройством городов, транспортным обслуживанием, образованием населения. В Самаре их усилиями было подготовлено открытие ветеринарного института. Как говорил И.С. Ключев: «Иметь еще одно высшее учебное заведение будет большой плюс для Самары... В Самаре будет новый уголок культуры». Городская дума буквально билась за открытие университета. Университет, словами училищной комиссии, «имеет большее значение, чем институт». Создали специальный комитет из 26 авторитетных жителей Самары, выделили денежные средства, сформировали общество по открытию университета. Делегаты городской думы побывали у всех министров, от которых зависело решение, убедили их и подготовили все необходимые документы [19, л. 649–652, 747–748, 761–764, 797–798].

Мировая война кардинально изменила жизнь города. В города, в первую очередь губернские, перебазировали промышленные предприятия, воинские части, эвакуировали жителей других районов. Первые месяцы войны губернская администрация и городское самоуправление в хозяйственных делах действовали дружно. Их усилия были направлены на перевод экономики на военный лад, на строительство лазаретов, на снабжение фронта и горожан продовольствием. Несмотря на закрытие и перепрофилирование предприятий, производивших алкогольную продукцию, и освобождение в связи с этим значительного числа рабочих, на военных заводах их не хватало. Это был предмет постоянной заботы местных властей и органов самоуправления [26, с. 11]. В августе 1914 г. городские думы вошли во Всероссийский общегородской союз, ассигновали на его нужды средства (Самарская дума внесла 10 тыс. руб.) и учредили областную организацию помощи больным и раненым воинам, много делали для раненых и больных воинов [27, л. 1–6, 14].

Единение губернской администрации и городских дум даже в хозяйственных делах, однако, не было продолжительным. В годы войны усилился распад патриархального уклада жизни, традиционного мировосприятия дворянства, а вслед за ним и других высших слоев общества. Сановно-придворный мир «эмансипировался» уже к началу XX века настолько, что воспринимал царя, царицу, царскую фамилию как в первую очередь людей. Сакральное восприятие императорской семьи уходило в прошлое. Монархическое сознание дворянства подвергалось коррозии [28, с. 84; 29, с. 15–20]. Самарский представитель дворянства А.Н. Наумов в 1915 г. перед официальным представлением императрице с некоторым вызовом спрашивал у встречавшего его придворного: «Можно ли русскому предводителю на приеме у русской царицы говорить по-русски». Ответ он получил положительный [30, с. 40; 31, с. 226].

Военные неудачи, трудности в тылу обострили застарелые противоречия. Интеллигенты, большинство губернских дворянских собраний, предприниматели, получавшие баснословные барыши, наслаждались слухами о «темных силах вокруг трона», «предателях министрах», «шпионке немке императрице», вселили «Гришки Распутина», с удовольствием рассматривали сфабрикованные эротические картинки, на которых изображались Александра Федоровна и Г. Распутин, читали и переписывали стихи В. Мятлева. Городские думы Самары, Саратова с энтузиазмом поддержали постановление чрезвычайного заседания Московской городской думы (август 1915 г.), в котором утверждалось, что победа возможна лишь при «создании правительства, сильного доверием общества и единого», возглавляемого премьером, «которому верит вся страна» [32, л. 14]. В 1916 г. у гласных и многих земцев уже не было сомнений в неспособности существующей власти наладить экономику страны, довести войну до победы. Осенью 1916 г. городские думы открыто встали в оппозицию к центральным властям. На заседании Самарской думы 2 ноября 1916 г. П.П. Подбель-

ский при общей поддержке заявил, что страну может спасти только Государственная дума. Через неделю Самарская дума послала приветственную телеграмму лидеру партии кадетов П.Н. Милюкову, который накануне произнес в Государственной думе лживую, построенную на слухах провокационную антиправительственную речь, рефреном которой было «Глупость или измена». Речь эту либеральные думцы и земцы Среднего Поволжья и Заволжья распространили в тысячах и тысячах экземпляров. С этих пор они использовали любой повод, чтобы поддержать противников власти. На заседании Государственной Думы 22 ноября 1916 г. депутат-консерватор Н.Е. Марков 2-й едко отвечал на нападки ораторов «прогрессивного блока» на правительство. Его все время перебивали возгласами с места, а председатель Думы М.В. Родзянко постоянно делал ему замечания и в конце концов лишил слова. Возмущенный Н.Е. Марков бросил в лицо Родзянко: «Только враг родины мог допустить такой поступок». Думское большинство исключило его на 15 заседаний. Событие это всколыхнуло Самарскую городскую думу. Гласные в один голос осудили Н.Е. Маркова и, по предложению В.В. Петрова, послали М.В. Родзянко телеграмму со словами поддержки и сочувствия [32, л. 1, 4; 3, л. 367, 788, 802, 842].

Каждая эпоха жаждет некоего более прекрасного мира. Вообще говоря, всякое время оставляет после себя гораздо больше следов своих страданий, чем своего счастья, хотя счастливая жизнь, веселая радость и сладостный покой, выпавшие на долю одной эпохи, в итоге не слишком отличаются от всего того, что происходит в любое другое время. Европейски ориентированные образованные люди пореформенной России склонны были считать эпоху, в которой они жили, невыносимо трудной, главным виновником неустройства им представлялась существовавшая власть, скопище безобразного, в их глазах. Психоментальность простонародья им была чужда, собственное корпоративное восприятие они эксплицитовали как общенациональное, народ представляли реципиентом носимой ими прозападной культуры. Трудности многолетней войны виделись им невыносимыми. Те трудности, которые ощущали более всего они (проблемы с деликатесами, изысканной барской одеждой), виделись им и ужасными, и общенародными, вину за них они возлагали на власть.

Многие годы войны, конца которой не было видно, мобилизация почти половины православных мужчин, главным образом из села, трудности снабжения преимущественно привозными товарами и продуктами питания накладывались на военные неудачи, подхлестывали истероидные настроения, сознание искало виновных. Согласованные действия местного самоуправления и администрация Среднего Поволжья и Заволжья в годы Первой мировой войны ограничивались областью насущных хозяйственных дел. Психоментально местное самоуправление в конечном итоге ощущало существующую власть, во всех ее ипостасях как свое противоположение, видело в ней, особенно в ее высших эшелонах, источник неустройств, неудачи и тяготы войны относило на ее счет.

В Среднем Поволжье и Заволжье продовольственный вопрос не был в числе первых в формировании нервической обстановки. Сельское население (а это абсолютно большая часть населения) само снабжало себя продовольствием, за исключением сахара (но были традиционные продукты – сладости, мед), отчасти соли и чая, ряда товаров обихода промышленного производства, как то: гребни, сарафаны и т. д. Основа продовольствия простонародья региона – зерновые, что отразилось в пословице: «Хлеб и каша – пища наша». Мясо и т. д. отстояли в рационе на дальних позициях. В городах непереносимых трудностей в снабжении простонародным продовольствием также не было. Попытка опровергнуть выводы обстоятельного исследования о несостоятельности тезиса советской историографии о ключевой роли «про-

довольственного кризиса» в складывании накануне 1917 г. так называемой «революционной ситуации» в Среднем Поволжье свелась к подверстыванию считанного числа фактов (почти все — о недостатке сахара) к марксистско-советской погудке [23, с. 156–171].

Но была коренная неустроенность: крестьянская психоментальность не могла смириться с гигантскими частными латифундиями благородных и чумазых лендлордов, расположенными рядом с их деревнями, труженники города тяготились патерналистской опекой, гражданское неравноправие задевало большинство населения, сказывались и этноконфессиональные проблемы.

Смута спускалась сверху и во второй половине войны охватила органы местного самоуправления региона. Разлад между властью и обществом достиг критической величины. Достаточно было искры, чтобы разразилась катастрофа.

Библиографический список

1. ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 175.
2. ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 178.
3. ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 197
4. Саратовский листок. 1913. 12 ноября; 5 декабря.
5. Местное самоуправление Саратова: история и современность. Саратов, 2005.
6. Исключительное четырехлетие. Краткий обзор деятельности Самарского городского общественного управления в 1905–1909 гг. Самара, 1909.
7. Максимов Е.К., Тотфалушин В.П. Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны. Саратов, 2007.
8. Земско-статистический справочник по Самарской губернии на 1914 год. Самара, 1914.
9. Памятная книжка Самарской губернии на 1914 год. Самара, 1914.
10. Рейли Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995.
11. Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2008. № 1.
12. Известия Самарского научного центра РАН. 2008. № 1. Т. 10.
13. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 61. Д. 4.
14. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 131. Д. 226.
15. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 63. Д. 4.
16. ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1619.
17. ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1549.
18. Красный архив. М.; Л. 1929. Т. 2.
19. ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 198.
20. Прокопович С.Н. Война и народное хозяйство. М., 1917.
21. На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX — начала XX века. СПб.; Кишинев, 2001.
22. Волобуев П.В. Хлебные ресурсы России в 1917 г. // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961.
23. Семенова Е.Ю. Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 — начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара, 2012.
24. ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1627.
25. Отечественная история. 1993. № 3.
26. Памятная книжка Самарской губернии на 1915 г. Самара, 1915.
27. ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1436.

28. Боханов А.Н. Святая царица. М., 2006.
29. Колоницкий Б. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. СПб., 2010.
30. Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний, 1868–1917. Нью-Йорк, 1954. Т. 2.
31. Епанчин Н.А. На службе трех императоров. М., 1996.
32. ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1448.

*M.I. Leonov**

AUTHORITIES AND SOCIETY OF MIDDLE VOLGA REGION AND ZAVOLZHYE IN THE YEARS OF DUMA MONARCHY

In the article the interrelations between the authorities and society, in the first place the administration of provinces and organs of local government of Middle Volga region and Zavolzhye in the years of duma monarchy, their cooperation in economic and conflicts in social and political questions are analyzed.

Key words: authorities, society, province administration, local government, zemstvo, State Duma, war, food question.

* *Leonov Mihail Ivanovich* (mleonov40@gmail.com), the Dept. of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.